УДК 316.7(1-21)-047.44

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

А. Д. МАТУСЕВИЧ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет культуры и искусств, ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Раскрывается содержание теоретической концепции социокультурного пространства города в русскоязычной научной традиции. Рассматривается специфика синтетического термина «социокультурное пространство города», интегрирующего социальные отношения и культурные смыслы, выявляется методологическая размытость понятия. Проводится компаративный анализ понятия и дифференцированных концептов западной науки, показывается фундаментальное расхождение научных парадигм. Обосновывается продуктивность использования концепции Лоу «пространственное воплощение культуры» в качестве концептуального моста, предлагающего реляционную и многомерную модель для анализа городской среды. Научная новизна работы заключается в преодолении терминологического разрыва и переходе к строгому аналитическому применению понятия в исследованиях городского пространства.

Ключевые слова: социокультурное пространство; концептуализация пространства; городская среда; реляционный подход; Сета Лоу; сравнительный анализ; теоретическая модель.

Благодарность. Автор выражает признательность кандидату культурологии, доценту О. М. Соколовой за помощь в подготовке статьи.

SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE CITY: THEORETICAL CONCEPTUALISATION AND STRUCTURAL ANALYSIS

A. D. MATUSEVICH[a]

[a]*Belarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkarawskaja Street, Minsk 220007, Belarus*

Abstract. The article reveals the content of the theoretical concept of socio-cultural space of the city in the Russian-language academic tradition. The specificity of the synthetic term «socio-cultural space of the city», which integrates social relations and cultural meanings, is examined, and its methodological vagueness is identified. A comparative analysis of this concept with the differentiated concepts of Western scholarship («social space», «cultural geography») is conducted, demonstrating a fundamental divergence of scientific paradigms. As a result, the productivity of using Setha Low's concept of «spatialising culture» as a conceptual bridge is substantiated, offering a relational and multidimensional model for the analysis of the urban environment. The scientific novelty of the work lies in overcoming the terminological gap and transitioning to a rigorous analytical application of the concept in urban space research.

Keywords: socio-cultural space; conceptualisation of space; urban environment; relational approach; Setha Low; comparative analysis; theoretical model.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to PhD (cultural studies), docent O. M. Sokolova for her assistance in preparing the article.

Образец цитирования:
Матусевич АД. Социокультурное пространство города: теоретическая концептуализация и структурный анализ. *Человек в социокультурном измерении.* 2026;1–2:60–65. EDN: USDFUW

For citation:
Matusevich AD. Socio-cultural space of the city: theoretical conceptualisation and structural analysis. *Human in the Socio-Cultural Dimension.* 2026;1–2:60–65. Russian. EDN: USDFUW

Автор:
Алёна Дмитриевна Матусевич – аспирантка кафедры культурологии факультета культурологии и социально-культурной деятельности. Научный руководитель – кандидат культурологии, доцент О. М. Соколова.

Author:
Aliona D. Matusevich, postgraduate student at the department of cultural studies, faculty of cultural studies and socio-cultural activities.
alionaburs@icloud.com

Введение

Современный город представляет собой сложный, динамично развивающийся организм, пространственная организация которого выступает не просто фоном, а активным участником социальных и культурных процессов. В отечественной научной традиции для комплексного анализа этой реальности широко используется синтетическое понятие «социально-культурное пространство города». Несмотря на популярность в урбанистике, культурологии и социальной географии, данная категория остается методологически размытой и теоретически не унифицированной. Отсутствие четкого концептуального аппарата приводит к некорректному применению понятия и затрудняет сравнительные исследования, особенно в контексте диалога с западной научной мыслью, оперирующей иным терминологическим полем («социальное пространство» (*social space*), «культурная география» (*cultural geography*)).

Теоретическая рефлексия над понятием становится актуальной, что обусловлено необходимостью преодоления терминологического разрыва. Для изучения трансформаций городской среды Беларуси, находящейся на перекрестке локальных традиций и глобальных урбанистических трендов, требуется выработка строгого аналитического инструмента, способного интегрировать достижения различных научных парадигм.

Проблема исследования заключается в преодолении терминологического и методологического разрыва между синтетическим подходом русскоязычной науки и аналитической традицией западных исследований, что необходимо для проведения корректных сравнительных исследований городской среды Беларуси.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы теоретически концептуализировать понятие «социокультурное пространство города» для его операционализации в качестве аналитического инструмента.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- выявить синтетическую природу и внутреннюю структуру понятия «социокультурное пространство города» в контексте русскоязычной научной традиции, проанализировав его ключевые компоненты и уровни организации;
- провести компаративный анализ концепта и основных подходов к изучению городской среды в западной науке, выявив фундаментальные парадигмальные расхождения и точки соприкосновения;
- обосновать продуктивность реляционного подхода и концепции «пространственное воплощение культуры», разработанной С. Лоу, в качестве методологической основы для преодоления терминологического разрыва и построения интегральной модели анализа городского пространства.

Теоретической основой исследования стали работы отечественных и зарубежных авторов, изучающих проблематику социального пространства города. В русскоязычной традиции концепция социокультурного пространства получила развитие в трудах Е. В. Грязновой и С. В. Афанасьева, которые проанализировали терминологические противоречия и предложили структурное описание данного феномена. Исследователь Т. О. Гаврилина изучала функциональные аспекты городского пространства, выделив его основные уровни и структурные элементы. Значительный вклад в осмысление пространства как текста внесли работы Э. А. Орловой, разработавшей семиотический подход к анализу городской среды. В западной традиции большое значение имеют работы представителей реляционной парадигмы, рассматривающих пространство как социальный конструкт, производимый через повседневные практики и властные отношения. Особую ценность представляет концепция «пространственное воплощение культуры», предлагающая интегральный подход к анализу взаимосвязи материальной среды и культурных смыслов. Тем не менее, существует проблема терминологического разрыва между синтетическим подходом отечественных исследований и дифференцированными концептами западной науки.

Методология исследования основана на реляционном взгляде на пространство, согласно которому городская среда не является пассивным вместилищем, а постоянно производится через социальные и культурные практики горожан. Концептуальный анализ используется для уточнения термина «социокультурное пространство города» и выявления его структуры в русскоязычной традиции. Компаративный метод дает возможность сопоставить отечественный концепт с западными подходами. Теоретическая интерпретация обосновывает продуктивность использования теории С. Лоу в качестве концептуального моста между разными научными традициями.

Основная часть

При исследовании городской среды ученые неизбежно сталкиваются с необходимостью осмысления фундаментальных категорий, определяющих ее сущность и специфику. Ключевой категорией, интегрирующей в себе социальные отношения и культурные смыслы, является категория «социокультурное пространство». Однако, несмотря на активное использование в научном дискурсе, данное понятие остается многозначным и теоретически не унифицированным, что порождает методологические трудности и требует точного концептуального оформления.

В современной научной литературе отсутствует единое понимание феномена социокультурного пространства, что обусловливает актуальность проводимого исследования. Как отмечают Е. В. Грязнова и С. В. Афанасьев, термин часто используется в исследованиях культуры и общества некорректно, без точного определения и обоснования [1, с. 27].

Социокультурное пространство представляет собой сложный феномен, интегрирующий социальный и культурный компоненты. Социальное пространство определяется как система социальных отношений, включающая производственные и имущественные связи, в то время как культурное пространство формируется множеством взаимодействующих феноменов культуры [1, с. 33].

Интеграция понятий социального и культурного пространства порождает ряд противоречий, связанных с их соотношением и приоритетностью, два из которых являются наиболее существенными. Первое противоречие касается онтологического статуса культуры: в одних исследованиях культура рассматривается как атрибут социума, производный от социальных отношений, в других – как самостоятельная система, способная существовать и развиваться практически независимо от социального контекста [1, с. 35]. Второе противоречие связано с направленностью детерминации: остается неясным, является ли социальное пространство определяющим по отношению к культурному, или же культурные смыслы структурируют социальные взаимодействия. Указанные противоречия не исчерпывают всего многообразия дискуссионных вопросов, однако фиксируют ключевые линии концептуальных расхождений, значимые для операционализации понятия в эмпирических исследованиях.

Отсутствие единого определения и наличие противоречий в подходах затрудняют применение категории «социокультурное пространство». Для ее корректного использования необходимо учитывать диалектическое единство социального и культурного, а также четко разграничивать смежные понятия, такие как «пространство» и «реальность». Такой подход позволит избежать методологических ошибок и углубить понимание трансформаций социокультурной среды в условиях информационного общества.

Так, социокультурное пространство – это динамическая система, которая объединяет социальные отношения и культурные феномены в рамках определенной среды, где взаимодействуют индивиды, общество и культура. Пространство характеризуется структурностью, протяженностью и исторической преемственностью, отражая диалектическое единство социального (система связей, институтов, стратификации) и культурного компонентов (ценности, нормы, символы, практики).

Социокультурное пространство города представляет собой сложную динамичную систему, объединяющую социальные отношения и культурные феномены в рамках конкретной территориальной среды. Как отмечает Т. О. Гаврилина, оно обладает всеми характеристиками пространства (протяженностью, структурностью и взаимодействием компонентов), однако его границы определяются не столько административными рамками, сколько культурными чертами и социальными практиками [2, с. 199]. Городское социокультурное пространство формируется через диалектическое единство материальных и символических элементов, где здания, инфраструктура и учреждения сочетаются с ценностями, традициями и коммуникативными процессами.

Структура социокультурного пространства города включает несколько ключевых уровней.

1. Социальный уровень демонстрирует систему институтов, норм и практик, регулирующих жизнь горожан. Город является «продуктом человеческих усилий», в котором социальные отношения кристаллизуются в конкретных формах [2, с. 199]. На этом уровне находятся образовательные учреждения, органы управления, центры свободного времени и другие институты, обеспечивающие воспроизводство социальных связей.

2. Ценностно-символический уровень отражает совокупность культурных кодов, традиций и идентичностей. Город аккумулирует «коллективную память» жителей, выраженную в архитектуре, топонимике, праздниках и субкультурах [2, с. 200]. Например, семиотический анализ города раскрывает его как «текст», где улицы, памятники и реклама становятся знаками, формирующими смыслы.

3. Информационно-коммуникативный уровень демонстрирует поле взаимодействия горожан, включая виртуальные платформы. Мегаполисы, перенасыщенные информацией, создают новые формы коммуникации – от городских форумов до флешмобов [2, с. 201].

Важной особенностью структуры является ее гетерогенность. Город объединяет множество подпространств: культурно-образовательное (музеи, университеты), семиотическое (архитектура, городской фольклор), аксиологическое (ценности и нормы, например, патриотические памятники) и коммуникативное (парки, онлайн-сообщества) [2, с. 200]. Как отмечает Е. В. Орлова, уникальность каждого города определяется именно сочетанием этих элементов, которые создают «идентичность горожан» [3, с. 150].

Культура в структуре городского социокультурного пространства выступает как системообразующий элемент, связывающий материальные и символические аспекты городской среды в единое целое. Основу этой культуры составляют горожане – носители социальных практик, ценностей и традиций, которые формируют уникальный облик города.

Социальные связи, возникающие в рамках этого пространства, создают сеть городской культуры – от соседских сообществ до профессиональных и субкультурных групп. Например, исследования Л. Вирта подчеркивают, что городская гетерогенность порождает новые формы солидарности, где даже мимолетные контакты (в транспорте, на мероприятиях) становятся частью коллективного опыта [4, с. 54]. Культура города – это не статичный набор символов, а живой процесс, который конструируется горожанами через их деятельность, коммуникацию и осмысление урбанистической среды.

Специфика термина «социокультурное пространство города» и его синтетическая природа становятся особенно очевидны при сопоставлении с западными подходами. В западной науке отсутствует прямой аналог понятия «социокультурное пространство города», вместо него используется совокупность дифференцированных концептов. Использование понятия «социальное пространство», разработанного А. Лефевром [5] и П. Бурдьё [6], позволяет акцентировать внимание на социальных практиках и властных отношениях, но оставляет в стороне культурно-символическую составляющую. Понятие «культурная география», напротив, фокусируется на ландшафтах и культурных кодах территории, однако тяготеет к материальным артефактам в ущерб социальной динамике [7; 8]. В своем труде «Публичная сфера» («Public sphere») Ю. Хабермас описывает коммуникативное пространство гражданского общества, практически не касаясь материальной среды города [9]. В отличие от этого, русскоязычная научная традиция стремится к синтезу социального и культурного компонентов в рамках единого понятия «социокультурное пространство города». Это расхождение не сводится к лингвистическим различиям: за ним стоят разные исследовательские стратегии. Западные исследователи чаще разделяют измерения пространства по дисциплинарному принципу (социология, антропология, урбанистика), тогда как постсоветская традиция сохраняет установку на их интеграцию.

Ключевой фигурой в осмыслении социального производства пространства является А. Лефевр. Он радикально переосмыслил пространство как продукт властных отношений и социальных практик. Исследователь рассматривал пространство как социальный продукт, который маскирует противоречия своего производства, и предложил триаду анализа: пространственные практики, репрезентации пространства и пространства репрезентации [5]. Он утверждал, что пространство никогда не бывает пустым, оно всегда обладает значением [5].

Значительный вклад в осмысление пространства внес П. Бурдьё. Его концепция габитуса показывает, как социальные структуры «интериоризируются» индивидами в виде телесных практик, схем восприятия и оценок, которые затем воспроизводятся в пространственном поведении – выборе района проживания, способах использования городских мест, дистанциях по отношению к другим социальным группам. Таким образом, городское пространство у П. Бурдьё становится не фоном, а ареной, где через повседневные практики бессознательно воспроизводятся и визуализируются социальные иерархии [6]. В свою очередь, М. Фуко показал, как архитектура и планирование выступают инструментами дисциплинарного контроля. Анализируя паноптикум, тюрьмы, больницы и школьные здания, он продемонстрировал, что пространственная организация (расположение корпусов, коридоров, камер, система наблюдения) не нейтральна, а целенаправленно производит определённые типы субъектов, закрепляя властные отношения в материальной форме города [10].

В географической науке дискуссия ведется вокруг оппозиции пространства (*space*) и места (*place*). Если исследователь Д. Харви, опираясь на марксизм, анализировал пространство как продукт капиталистических отношений [11], то гуманистические географы (Э. Рельф [8], Й.-Ф. Туан [12]) делали акцент на чувстве места, аутентичности и укорененности. Исследователь Д. Мэсси предложила компромиссный подход, она рассматривала пространство как открытую систему взаимодействий, где место становится узлом социальных отношений [13].

Антропологи и археологи дополнили эту концепцию, исследуя, как пространства и места конструируются через практики, нарративы и материальную культуру. Ученый М. Родман ввела понятие «многолокальность», подчеркивая множественность смыслов места [14, p. 642], а Т. Инголд сфокусировался на «жизненности» и телесных практиках как основе пространственного опыта [15, p. 122].

Таким образом, специфика термина «социокультурное пространство города» заключается в его комплексном характере, синтезирующем социальные взаимодействия и культурные смыслы в уникальном урбанистическом контексте. Это пространство не является пассивным вместилищем, а активно формируется и трансформируется под влиянием повседневных практик жителей, институциональных механизмов и иерархических отношений, что делает его ключевым объектом для понимания динамики современного города.

Можно сделать вывод, что в западной науке отсутствует прямое соответствие термину «социокультурное пространство города». Вместо этого используется совокупность взаимосвязанных концепций из разных дисциплин, которая охватывает смысловое поле термина: социальное конструирование пространства, власть и дисциплина, взаимодействие пространства и места в географии и антропологии. Различия в подходах необходимо учитывать при кросс-культурном анализе городской среды.

Для преодоления терминологического разрыва и установления диалога между научными традициями особое значение приобретает концепция американского антрополога С. Лоу. Она вводит понятие «пространственное воплощение культуры» (*spatialising culture*) [16, с. 26], близкое по смыслу термину «социокультурное пространство города». Ученый определяет введенное понятие как «диалогический процесс, который связывает социальное производство пространства и природы, а также социальное развитие антропогенной среды с социальным конструированием смыслов пространства и места. Пространственное воплощение культуры сводит вместе социальный, экономический, идеологический и технологический аспекты формирования материальной среды с феноменологическим и символическим опытом, опосредованным социальными процессами вроде обмена, конфликта и контроля» [16, с. 26].

Данный концепт, хотя и не является полным синонимом русскоязычного термина, выполняет функцию концептуального моста, позволяя связать различные традиции. Пространственное воплощение культуры предлагает реляционное понимание пространства, которое обладает относительной природой, существуя как система отношений; является продуктом социальных практик и институциональных механизмов; имеет материально-символический дуализм, сочетая физическую протяженность со смысловыми измерениями; обладает агентностью, активно влияя на социальные процессы.

Автор концепта С. Лоу систематизирует существующие теоретические подходы к соотношению пространства и места, выделяя модели их взаимодействия.

1. Пространство и место как отдельные, не пересекающиеся категории. Данная модель предполагает, что пространство и место являются независимыми конструктами, не имеющими зон взаимного влияния. В зависимости от теоретической традиции приоритет отдается либо месту (как в феноменологии и гуманистической географии), либо пространству (как в марксизме и математическом моделировании). Ученый отмечает, что «в феноменологических теориях в качестве преобладающего конструкта используется место. С другой стороны, марксизм, неомарксизм, математика, геометрия и исторический материализм являются теоретическими основами для тех исследователей, которые в качестве всеобъемлющего конструкта используют пространство» [16, с. 35].

2. Пространство и место как частично пересекающиеся конструкты. Модель предполагает, что пространство и место сохраняют самостоятельность, но имеют зону взаимного наложения. Это пересечение возникает, например, в транслокальных пространствах, где глобальные миграционные потоки взаимодействуют с локальными практиками повседневности: «Транслокальное пространство может рассматриваться в качестве момента, который возникает при пересечении физических пространств, формируемых потоками миграции и другими транснациональными процессами, с местами повседневной жизни мигрантов» [16, с. 35].

3. Место как часть пространства. Данный подход является наиболее распространенным в социальных науках и трактует пространство как общую категорию, а место – как его конкретное воплощение. В этом смысле место понимается как «обжитое пространство», насыщенное культурными смыслами: «Место определяется как обжитое пространство, которое состоит из пространственных практик, и переживается феноменологически – в качестве примера можно привести культурно значимое пространство дома» [16, с. 36].

4. Пространство как часть места. Модель является наиболее распространенной в обыденном словоупотреблении, она рассматривает место и пространство как тождественные категории.

Вместе с тем концепция «пространственное воплощение культуры» имеет ограничения. В самом термине сохраняется аналитический приоритет пространства над культурой: пространство воплощается, а культура выступает ресурсом этого воплощения, что не полностью соответствует русскоязычному понятию «социокультурное пространство», где социальное и культурное являются равноправными измерениями. Подход С. Лоу, выработанный преимущественно на материале городов США и Латинской Америки, требует адаптации при переносе на постсоветское пространство, где соотношение публичного и приватного, роль государства и культурная память обладают существенной спецификой. Признание указанных ограничений не отменяет продуктивности концепции, но требует ее критического применения и дополнительной конкретизации в эмпирических исследованиях.

Пространственное воплощение культуры можно определить как метод исследования и осмысления пространства через призму культуры и повседневных практик. В рамках этого подхода пространство понимается как социальный и культурный феномен, который не только физически существует, но и выражает социальные отношения и культурные смыслы.

Данный концепт, не являясь полным синонимом термина «социокультурное пространство», выполняет роль важного концептуального моста, позволяя организовать содержательный диалог между различными научными традициями.

На основе проведенного анализа может быть предложена интегративная модель анализа социально-культурного пространства города, объединяющая достижения русскоязычной и западной научных традиций. Модель включает три аналитических уровня: 1) социальный уровень фиксирует систему

институтов, норм и властных отношений, пространственные практики и социальную стратификацию; 2) ценностно-символический уровень охватывает культурные коды, коллективную память, идентичности и семиотику города (акцент русскоязычной традиции); 3) информационно-коммуникативный уровень описывает поле взаимодействия горожан, включая виртуальные платформы и новые формы коммуникации. Реляционный подход, представленный концепцией Лоу «пространственное воплощение культуры», выступает связующим звеном между уровнями, позволяя рассматривать пространство одновременно как продукт социальных практик и носителя культурных смыслов.

Данная модель не заменяет концепцию С. Лоу, а операционализирует ее, предлагая конкретную аналитическую рамку для эмпирических исследований городской среды, в том числе постсоветских городов.

Заключение

Проведенное исследование позволило достичь понимания категории «социокультурное пространство города» как комплексного теоретического конструкта. В результате анализа было установлено, что данное понятие представляет собой не просто сумму социальных и культурных элементов, а целостную систему с четкой трехуровневой структурой, где каждый уровень обладает собственной функциональной спецификой и одновременно находится в постоянном взаимодействии с другими элементами системы.

Сравнение показало, что отечественная и западная традиции по-разному подходят к понятию городского пространства. Русскоязычные исследователи стремятся объединить социальное и культурное измерения в рамках единого понятия «социокультурное пространство города». В западной науке, напротив, принято работать с дифференцированными концептами. Такая разница является не просто терминологическим различием, а следствием разных методологических установок.

Чтобы уменьшить разницу между традициями, в работе предлагается интегративная модель, опирающаяся на реляционное понимание пространства. Модель не отменяет ни синтетический, ни дифференцированный подходы, а позволяет использовать их сильные стороны на разных уровнях анализа, что дает возможность операционализировать ключевые понятия для эмпирических исследований и в перспективе наладить междисциплинарный диалог между отечественной и западной традициями изучения города.

Библиографические ссылки

1. Грязнова ЕВ, Афанасьев СВ. К вопросу об определении понятия «социокультурное пространство». *Современные исследования социальных проблем*. 2019;11(2–1):27–41. EDN: DDKOVC.
2. Гаврилина ТО. Социокультурное пространство города: структура, функции. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2019;2:196–205. EDN: RZFAOQ.
3. Орлова ЕВ. Социокультурное пространство: к определению понятия. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017;7:149–152. EDN: YTYHPZ.
4. Вирт Л. *Урбанизм как образ жизни*. Николаев В, переводчик; Бабицкая В, редактор. Москва: Strelka Press; 2016. 108 с.
5. Лефевр А. *Производство пространства*. Стаф И, переводчик. Москва: Strelka Press; 2015. 427 с.
6. Bourdieu P. *Outline of a theory of practice*. Cambridge: Cambridge University Press; 1977. 248 p.
7. Jackson P. *Maps of Meaning: an introduction to cultural geography*. London: Unwin Hyman; 1989. 213 p.
8. Relph E. *Place and placelessness*. London: Pion; 1976. 156 p.
9. Хабермас Ю. *Структурная трансформация публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества*. Иванова ВВ, переводчик. Москва: Весь мир; 2016. 342 с.
10. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Наумова В, переводчик; Борисова И, редактор. Москва: Ad Marginem; 1999. 478 с.
11. Харви Д. *Социальная справедливость и город*. Москва: Новое литературное обозрение; 2018. 435 с.
12. Tuan Y-F. *Space and place: the perspective of experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1977. VI, 235 p.
13. Massey D. *For space*. Los Angeles: SAGE; 2005. 222 p.
14. Rodman MC. Empowering place: multilocality and multivocality. *American Anthropologist*. 1992;94(3):640–656.
15. Ingold T. Footprints through the weather-world: walking, breathing, knowing. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2010;16(s1):121–139. DOI: 10.1111/j.1467-9655.2010.01613.x.
16. Лоу С. *Пространственное воплощение культуры: этнография пространства и места*. Проценко Н, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2024. 398 с.

Статья поступила в редколлегию 26.06.2026.
Received by the editorial board 26.06.2026.